

Научная статья

УДК 821.161.1Тургенев.091

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-359-7-19

ОТ АНАКРЕОНТИЧЕСКОЙ ДО ЦЫГАНСКОЙ ПЕСНИ: ИСТОРИЯ РОМАНСА «ВЕК ЮНЫЙ, ПРЕЛЕСТНЫЙ...» ИЗ РАССКАЗА И. С. ТУРГЕНЕВА «КОНЕЦ ЧЕРТОПХАНОВА»

Беляева Ирина Анатольевна¹,

Ушакова Екатерина Ильинична²

¹ Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН,
Москва, Россия,
belyaeva-i@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2840-4034>

² Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия,
ek.ushakova@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0003-6708-1124>

Аннотация. В рассказе И. С. Тургенева «Конец Чертопханова» важным сюжетным элементом является развязка любовной линии: цыганка Маша, покидая Чертопханова, в знак прощания поет песню «Век юный, прелестный...». Авторский выбор романса представляется глубоко обоснованным: романс имеет долгую историю, существует комплекс связанных с ним ассоциаций, актуализирующих мотив свободы в рассказе Тургенева. Анализ истории песни, которую Тургенев привлекает в качестве цыганского романса, позволяет уточнить ее роль в структуре рассказа. Текст романса «Век юный, прелестный...» (также известен под названиями «Песня», «Ария») принадлежит Н. М. Коншину. Он указал одну строку произведения, на мелодию которого должна была исполняться «Песня». Источником песни является анакреонтическое стихотворение «Le delire bachique» французского шансонье М.-А.-М. Дезожье. Творчество Дезожье было известно в России: в статье приводятся доказательства знакомства литературного круга, в котором вращался Коншин, с творчеством этого французского автора. В «Песне» воспевается любовь как преходящая,

но единственная ценность этого мира. Стихотворение Коншина предположительно унаследовало от первоисточника смысл, который был ясен современникам: в призыве наслаждаться любовью звучит протест против гнета окружающей действительности (песни Дезожье писались во время правления Наполеона I), что подтверждает рецепция творчества Дезожье в критических работах Ш. О. де Сент-Бева и А. С. Пушкина. Превращение анакреонтической песни в популярный романс, вошедший в цыганский репертуар, связано с именем А. Л. Гурилева. Приблизительно в 1830-е гг. он написал музыку к стихам Коншина. Автор слов постепенно был забыт, а романс обрел новую жизнь, став визитной карточкой цыганских хоров. В качестве цыганской песни он и был привлечен Тургеневым в текст рассказа «Конец Чертопханова», сохранив при этом свой вольнолюбивый смысл, дополненный мотивом тоски.

Ключевые слова: литература XIX века, И. С. Тургенев, источники текста, цикл «Записки охотника», цыганский романс, анакреонтика, М.-А.-М. Дезожье, Н. М. Коншин.

Для цитирования: Беляева, И. А., Ушакова, Е. И. (2025). От анакреонтической до цыганской песни: история романса «Век юный, прелестный...» из рассказа И. С. Тургенева «Конец Чертопханова». *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(59), 7–19. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-359-7-19>

Original article

UCD 821.161.1Тургенев.091

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-359-7-19

FROM ANACREONTIC TO GYPSY SONG: THE STORY OF THE ROMANCE «A YOUNG, CHARMING AGE...» FROM THE STORY «THE END OF CHERTOPKHANOV» BY I. S. TURGENEV

Irina A. Belyaeva¹,

Ekaterina I. Ushakova²

¹ Lomonosov Moscow State University,
A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,
belyaeva-i@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2840-4034>

² Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,
ek.ushakova@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0003-6708-1124>

Abstract. In I. S. Turgenev's story «The End of Chertopkhanov» an important plot element is the denouement of the love line: gypsy Masha, leaving Chertopkhanov, sings a song «A young, charming Age...» as a sign of farewell. The choice of song seems to be deeply justified: the song has a long history, there is a complex of associated associations that actualize the motif of freedom in Turgenev's story. An analysis of the history of the song, which Turgenev uses as a gypsy song, makes it possible to clarify its role in the structure

of the story. The text of the song «A young, charming Age...» (also known as «Song», «Aria») belongs to N. M. Konshin. Konshin pointed out one line of the piece, to the melody of which the «Song» was to be performed. The source of the song is the anacreontic poem «Le delire bachique» by the French chansonnier M.-A.-M. Désaugiers. Désaugiers' work was known in Russia, and the article provides evidence of the acquaintance of the literary circle in which Konshin moved with the work of this French author. The «Song» celebrates love as transitory, but the only value of this world. Konshin's poem presumably inherited from the original source a meaning that was clear to contemporaries: the appeal to enjoy love is a protest against the oppression of the surrounding reality (Désaugiers' songs were written during the reign of Napoleon I), which confirms the reception of Désaugiers' poems in the critical works of S. O. de Sainte-Beuve and A. S. Pushkin. The transformation of the Anacreontic song into a popular song, included in the Gypsy repertoire, is associated with the name of A. L. Gurilev. Around the 1830s, he wrote music to Konshin's poems. The author of the words was gradually forgotten, and the song found a new life, becoming the hallmark of gypsy choirs. As a gypsy song, it was brought in by Turgenev to the text of the story «The End of Chertopkhanov», while retaining its freedom-loving meaning, complemented by the motif of longing.

Keywords: literature of the 19th century, I. S. Turgenev, sources of the text, «A Sportsman's sketches», gypsy song, anacreontics, M.-A.-M. Désaugiers, N. M. Konshin.

For citation: Belyaeva, I. A., Ushakova, E. I. (2025). From anacreontic to Gypsy song: the story of the romance «A young, charming Age...» from the story «The End of Chertopkhanov» by I. S. Turgenev. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(59), 7–19. <https://www.doi.org/0.24412/2076-913X-2025-359-7-19>

Введение

Рассказ И. С. Тургенева «Конец Чертопханова» (1872) был добавлен писателем в цикл «Записки охотника» как продолжение рассказа «Чертопханов и Недопюскин». Внимание исследователей привлекала оригинальность характера Чертопханова (Петров, 1961, с. 106), трагичность судьбы героя, которая связывалась с судьбой всего русского дворянства (Сахаров, 2002; Прозоров, 2017, с. 17). Важным сюжетным элементом произведения является развязка любовной линии: цыганка Маша, покидая Чертопханова, в знак прощания поет песню «Век юный, прелестный...». Образ цыганки Маши рассматривался в соотнесении с традицией изображения цыганок, причем акцент делался на связи героини с природой, ее естественности и стремлении к свободе (Волкова, 2016, с. 22; Круглова, 2023, с. 289). Актуальность исследования обусловлена тем, что музыкальный элемент образа героини не привлекал пристального внимания. Между тем музыка, пение являются неотъемлемой составляющей образа Маши, и авторский выбор романса «Век юный, прелестный...» представляется глубоко обоснованным: романс имеет долгую историю, существует комплекс связанных с ним культурных ассоциаций, актуализирующих мотив свободы в рассказе Тургенева. В задачи настоящего исследования входит анализ истории песни, которую Тургенев привлекает

в качестве цыганского романса, что позволяет уточнить роль романса «Век юный, прелестный...» в структуре рассказа.

Результаты исследования

История романса «Век юный, прелестный...» началась в 1826 году, когда Н. М. Коншин опубликовал в «Невском альманахе» стихотворение под заглавием «Песня». Коншин родился в 1793 году, был военным, полевым офицером, участвовал в заграничных походах русской армии. А. И. Кирпичников, составивший описание его жизни по автобиографической записи «Для немногих», отмечает, что Коншин с юности хорошо владел французским языком и проявлял интерес к литературе (Кирпичников, 1903, с. 92). Коншин известен как близкий к Е. А. Боратынскому поэт: в 1819 году судьба привела его в Финляндию в Нейшлотский полк, где в скором времени состоялось знакомство, которое он сам отмечал как важное и которое сделало его поэтом. Интерес к литературе под влиянием Боратынского выливается в пробы пера, первым стихотворением становится послание к Боратынскому (Степина, 2022, с. 138). Он же становится для Коншина проводником в литературные круги: Коншина принимают в Вольное общество любителей российской словесности, он знакомится с А. А. Дельвигом, печатается. Элегическая и анакреонтическая лирика преобладает в творчестве Коншина (см.: Вацуро, 1972, с. 348–349; Песков, 1998, с. 20, 101, 106). На тот момент, когда публикуется песня «Век юный, прелестный...», общая тональность стихотворений Коншина уже успела измениться: отчасти это может быть объяснено жизненными обстоятельствами, так как к этому времени Коншин оставляет военную службу и дружеские послания, в которых воспеваются в том числе и походная жизнь, и пирушки, отходят на второй план. «Песня» же представляет собой обращение к друзьям, содержит упоминание о скоротечности жизни и призыв принести «все в жертву» юности дней. Строфы замыкаются рефреном «Лови, лови часы любви, пока любовь горит в крови!». Этому произведению суждено было стать одним из самых известных стихотворений Коншина, при том что впереди у автора было близкое общение с А. С. Пушкиным, издание альманаха «Царское село», прозаические опыты, долгая служба директором училищ и лицей в Ярославле, занятия историей и написание мемуаров.

В «Невском альманахе» «Песне» предпослано примечание: «на голос *Nargons la tristesse*» (Коншин, 1825, с. 187), то есть сам автор имел представление об определенной мелодии, на которую должен был быть положен его текст, и прямо указывал на соотнесение его с французской песней. «*Nargons (nargeons) la tristesse*» переведено в сборнике «Поэты 1820–1830-х годов» как «отбросим печаль», буквально — «презрим печали», «посмеемся над печалью» (Коншин, 1972, с. 362). Такая помета отсылает к чему-то общеизвестному, к тому, что на слуху, к популярной в 1820-е годы французской песне.

Содержание стихотворения Коншина могло как перекликаться с текстом исходной французской песни, так и быть вполне самостоятельным. Наиболее очевидный кандидат на роль французского источника — это стихотворение известного шансонье М.-А.-М. Дезожье (Marc-Antoine-Madeleine Désaugiers) «Вакхическое безумие» («Le delire bachique») 1810 года. Именно в нем содержатся строки «narguons la faux du Temps, de la tristesse fuyons l'écueil» (Désaugiers, 1861, p. 58–62) («посмеемся над косою Времени, избежим ловушек печали» (здесь и далее перевод наш. — *Е. У.*).

Содержание части «Le delire bachique» (это стихотворение гораздо больше по объему, чем «Песня») соответствует содержанию «Песни» Коншина. Можно сказать, что «Песня» Коншина представляет собой перепев первой части стихотворения Дезожье, в которой как раз содержится призыв отказаться от печали и насладиться мгновениями юности (табл.).

Таблица / Table

Сравнение стихотворений Н. М. Коншина и М.-А.-М. Дезожье
Comparison of poems by N. M. Konshin and M.-A.-M. Désaugiers

Стихотворение Н. М. Коншина	Первые строфы стихотворения М.-А.-М. Дезожье	Наш перевод стихотворения М.-А.-М. Дезожье
Век юный, прелестный, Друзья, улетит; Нам всё в поднебесной Изменой грозит; Летит стрелой Наш век молодой; Как сладкий сон, Минует он. Лови, лови Часы любви, Пока любовь горит в крови! Затмится тоскою Наш младости пир; Обманет мечтою Украшенный мир; Беднеет свет; Что день, то нет Мечты златой, Мечты живой! Лови, лови Часы любви, Пока любовь горит в крови! Как май ароматный —	Quand on est mort, c'est pour longtemps, Dit un vieil adage Fort sage; Employons donc bien nos instants, Et contents, Narguons la faux du Temps. De la tristesse Fuyons l'écueil; Évitons l'œil De l'austère sagesse. De sa jeunesse Qui jouit bien, Dans sa vieillesse Ne regrettera rien». (Désaugiers, 1861, p. 58)	Если умрешь, то это надолго, Так говорит старая мудрая пословица, Проведем же счастливо наш краткий век, И в веселье Посмеемся над косою Времени. Избежим ловушек печали, Убежим от взора суровой мудрости. Кто в юности насладится сполна, Тот в старости ни о чем не пожалеет.

Стихотворение Н. М. Коншина	Первые строфы стихотворения М.-А.-М. Дезожье	Наш перевод стихотворения М.-А.-М. Дезожье
Веселье весны; Как гость благодатный Родной стороны, — Так юность дней, Вся радость в ней... Друзья, скорей Всё в жертву ей! Лови, лови Часы любви, Пока любовь горит в крови! (Коншин, 1972, с. 362)		

Сложно сказать, когда именно могло произойти знакомство Коншина с творчеством Дезожье. Но совершенно точно известно, что в литературном кругу, в котором вращался Коншин, творчество Дезожье было известно. Об опубликованных в 1819–1822 годах подражаниях Дезожье О. М. Сомова пишет В. Э. Вацуро (Вацуро, 2000, с. 261). Как о явлении общеизвестном, не требующем никаких пояснений, упоминает в 1830-е годы о фигуре Дезожье, выведенной в водевиле «Les chansons de Désaugiers», А. И. Тургенев: «Все знакомое, но все оживлено действием. Лафонтеновский характер Дезожье изображен в анекдотах его жизни и в песнях его, коими он выкупал из тюрьмы, давал приданое. Скриб называет его: “Le premier chansonnier peut-être de tous les temps, qui faisoit des chansons, comme Lafontaine faisoit des fables” (Первым куплетистом, может быть, всех времен, который создавал песенки, как Лафонтен писал басни (фр.))» (Тургенев, 1964, с. 75). К 1820-м годам произведения Дезожье добираются и до русской сцены, его водевили переводятся (например, комедия «Г. Блажнин, или Старый друг лучше новых двух» П. Н. Арапова, заимствованная из водевиля Дезожье и М.-Ж. Жантиля де Шаваньяка «M-r Sans-gene ou L’ami de college», идет в бенефис Рыкалова 4 мая 1825 года в Большом театре в Москве). Таковы свидетельства в пользу предположения, что Коншин был знаком с творчеством Дезожье и цитата, приведенная им в качестве примечания к собственной песне, — это действительно цитата из Дезожье. А то, как воспринималась поэзия Дезожье современниками, может дать объяснение появлению этой «Песни» у Коншина в 1825 году.

Дезожье был сыном композитора М.-А. Дезожье и сам прославился как автор песен и водевилей. В 1811 году выходит сборник нот П. Капелья «Ключ от погребка» («La clé du caveau»), адресованный шансонье, любителям, авторам, актерам водевиля и всем друзьям песни, там опубликованы и ноты мелодии для «Вакхического безумия» («Le delire bachique») (Capelle, 1811, p. 456). Это название сборника не случайно, Caveau — «Погребок» — место

сбора поэтов в XVIII веке, место поэтических ужинов, имевшее свою летопись и возрожденное в годы Империи в виде *Caveau moderne* — «Нового погребка», председателем которого в 1811 году и стал Дезожье. Заслуги Дезожье резюмированы в некрологе, помещенном в «*Journal des débats politiques et littéraires*» 12 августа 1827 года¹, ему же посвящена большая хвалебная статья Ш. О. де Сент-Бева «Современные поэты и писатели Франции» («*Poetes et romanciers moderne de la France*») в «*Revue de deux Mondes*» в июле 1845 года. Сент-Бев особенно подчеркивает, что жизненные испытания Дезожье преодолевал с помощью веселости, сравнивает стремление жить и наслаждаться дарами природы в страшное время террора 1790-х с позицией героев «Декамерона» Д. Боккаччо². Критик цитирует «*Le delire bachique*»

¹ «Дезожье, на философскую жизнерадостность которого не повлияли опасности и страдания, полностью отдался своему веселому призванию; он сочинял песни для дружеских встреч; его самые известные соперники вскоре провозгласили его своим мэтром в этом жанре и в ознаменование его превосходства передали ему то, что римляне называли председательством на пиру, и то, что в более скромных выражениях тогда называлось президентством общества *Момуса*, или *Нового погребка*. Песни Дезожье передавались из рук в руки и были у всех на устах задолго до того, как были напечатаны. Почти всегда под маской вакхического веселья и эпикурейского сладострастия они скрывают добрые и полезные уроки морали. <...> В качестве увеселения для общества нет ничего более увлекательного, чем эти небольшие произведения; но в литературном отношении они являются шедеврами искусства, совершенные миниатюры, в которых лупа критики с трудом найдет изъян» («*Désaugiers, dont les dangers et les souffrances n'avoient point altéré la gaieté philosophique, s'abandonna tout entier à sa joyeuse vocation; il composa des chansons pour des réunions amicales; ses rivaux les plus renommés ne tardèrent pas à le proclamer leur maître en ce genre, et à reconnoître sa supériorité en lui déferant ce que les Romains appelloient la royauté de la table, et ce qu'en termes plus modestes, on nommoit alors la présidence de la Société de Momus, ou du Caveau moderne. Les chansons de Désaugiers circuloient dans toutes les mains, et passoient par toutes les bouches bien long-temps avant qu'elles fussent imprimées. Presque toujours, sous les accens de la gaieté bachique, et sous l'air de la volupté épicurienne, elle renferment de bonnes et utiles leçons de morale. <...> Comme divertissement de société, rien de plus amusant que ces petits ouvrages; mais, sous le rapport littéraire, ce sont des chefs-d'oeuvres, des miniatures parfaites, dans lesquelles la loupe de la critique auroit de la peine à trouver un défaut*») (Nécrologie. M. Désaugiers, 1827, p. 4).

² «Это было время предельного разгула Директории и всеобщей вакханалии. Мы были свидетелями, как в годину самых тяжких бедствий человеческое существо отзывалось на происходящее каким-то странным головокружением и опьянением. Самый прекрасный, хоть и немного искусственный пример этой ситуации мы имеем в «Декамероне» Боккаччо. Но, хотя в этом пире во время чумы всегда есть что-то противоестественное, нет ничего более простого и более понятного, чем чувство облегчения на следующий день после минувшей опасности. Это то, что почувствовала Франция, после того как были пережиты зверства террора. Тогда все снова вернулись к жизни, к тому, чтобы жить с упоением, безмерно наслаждаясь природными дарами, игрой своих чувств, удовольствиями свободными и легкими, очарованием сердечного воссоединения за праздничными застольями. Тогда обедали, ужинали, много пели» («*C'était le moment de l'extrême orgie du Directoire et de la bacchanale universelle. On a vu quelquefois, au plus fort des calamités et des fléaux, le cœur humain réagir bizarrement et prendre sa revanche par une sorte d'étourdissement et d'ivresse. On a l'idéal le plus charmant de cette disposition un peu artificielle dans le cadre du Decameron de Boccace. Mais, s'il y a toujours quelque chose contre nature dans ce contraste d'un oubli volontaire et factice au*

как одну из самых знаменитых песен Дезожье и также упоминает о том, что «вакхические девизы» — «люби, смейся и пой, ты живешь один только раз» («*aime, ris, chante et bois, Tu ne vivras qu'une fois*») — были способом ухода от повседневной реальности, от страха перед смертью (о поэзии «Нового погребка» и ее значении для современников см. также: (Пинковский, 2018, с. 287)). Сент-Бев называет Дезожье выразителем духа жизнелюбия, национального типа веселья, подчеркивая невиданную популярность его песен, их жизнеутверждающий пафос на фоне событий, происходивших во Франции в начале XIX века (Sainte-Beuve, 1845, с. 18).

Сходным образом песню вообще и творчество Дезожье в частности воспринимали и наши соотечественники. В данном контексте обращает на себя внимание статья Пушкина «Французская академия», в ней, отзываясь на речь О. Э. Скриба, произнесенную в Академии (в которой упоминается и Дезожье), Пушкин отмечает: «В конце речи своей остроумный оратор представляет песню во всегдашнем борении с господствующею силою: он припоминает, как она воевала во времена лиги и фронды, как осаждала палаты кардиналов Ришелье и Мазарини, как дерзала порицать важного Лудовика XIV, как осмеивала его престарелую любовницу, бесталантных министров и несчастных генералов; как при умном и безнравственном регенте и при слабом и холодном Лудовике XV нападения ее не прекратились; как, наконец, в безмолвное время грозного Наполеона она одна возвысила свой голос» (Пушкин, 1978, с. 264). Если песни Дезожье воспринимались как глоток свободы и радости в мрачное и темное время, то аналогичный посыл мог быть и у стихотворения Коншина: смутная атмосфера конца александровского царствования вполне могла побудить его отдать в «Невский альманах» невинную «Песню», за которой тянулся тем не менее шлейф ассоциаций, внятных для современников.

В дальнейшем произведение Коншина практически оторвалось от своего создателя, мало кто помнил автора известной песни, музыку которой написал А. Л. Гурилев. Интересно свидетельство М. Н. Горошкова о том, как в бытность гимназистами он сам, Н. А. Некрасов и прочие их однокашники катались в лодке, распевая песню «Век юный, прелестный...» (Горошков, 1971, с. 37). Воспоминания Горошкова относятся к 1832–1836 годам. Установить, когда Гурилевым были положены на музыку слова Коншина, вряд ли возможно. Самый ранний автограф композитора, известный исследователям, — это автограф романса «Падучая звезда» 1832 года (Левашева, 1988, с. 171). Таким образом, до конца непонятно, на какой мотив распевали гимназисты в начале 1830-х годов «Век юный, прелестный...». Следует также учесть,

sein des fléaux, rien n'est plus simple au contraire et plus concevable que l'expansion et la détente au lendemain même de la crise. C'est ce qui eut lieu en France au sortir des atrocités de la Terreur. On se remit à l'instant à vivre, à vivre avec délices, à jouir éperdûment des dons naturels, de l'usage de ses sens, des plaisirs libres et faciles, du charme des réunions surtout et de la cordialité des festins. On déjeuna, on dîna, on chanta beaucoup» (Sainte-Beuve, 1845, p. 13).

что сообщение Горошкова было записано почти через семьдесят лет после описываемых событий, что заставляет с осторожностью относиться к этому свидетельству.

Существует прижизненное издание романа Гурилева от 1849 года (Гурилев, 1849, с. 1). В этом издании песня получает наименование «цыганская». Впрочем, уже в рецензии 1847 года на выступление хора Ильи Соколова упоминается исполняемый цыганами романс «Лови часы любви» Гурилева (Григорьев, 1847, с. 174). Итак, на промежутке от 1826 до 1847 года «Песня» Коншина превратилась из французской анакреонтической в цыганскую, закрепившись в этом качестве как визитная карточка цыганских хоров. «Отбор романсов цыганами достаточно показателен: среди названных преобладала тематика любовного порыва и тоски, по контрасту использовались темы удалства и беспечной веселости», — так отзывается о репертуаре цыганских хоров Т. А. Щербакова (Щербакова, 1984, с. 77). Была ли «беспечная веселость» «Песни» Коншина той причиной, по которой «Век юный, прелестный...» стал известной цыганской песней, достоверно неизвестно, но в высшей степени простое сочетание эпитетов «юный» и «прелестный» с выраженной в стихотворении идеей бренности встретило горячее сочувствие в русском слушателе и обеспечило песне непреходящую популярность.

Именно в таком качестве — в качестве цыганской песни — «Век юный, прелестный...» был привлечен Тургеневым в текст рассказа «Конец Чертопханова». С образом цыганки Маши связан постоянно возникающий в поздних рассказах цикла «Записки охотника» мотив тоски: «Она перед тем просидела дня три в уголку, скорчившись и прижавшись к стенке, как раненая лисица, — и хоть бы слово кому промолвила — всё только глазами поводила, да задумывалась, да подпрыгивала бровями, да слегка зубы скалила, да руками перебирала, словно куталась» (Тургенев, 1979, с. 292). Такой «стих» находил на Машу не единожды: если обратиться к рассказу «Чертопханов и Недопюскин», можно видеть, что сменялся этот «стих» буйным весельем — разгулом. Но под конец героиня подавлена тоской настолько, что разгул не спасает, а страх смерти не существует для нее: «Маша улыбнулась; ее лицо оживилось. — Что ж? убейте, Пантелей Еремич: в вашей воле; а вернуться я не вернусь» (Тургенев, 1979, с. 294). Уходя от Чертопханова, Маша поет «Век юный, прелестный...»; песня в данном случае — единственное, что освобождает человека от тоски, символизирует свободу. Веселая и беззаботная песня, завершающая историю Чертопханова и Маши (о мотиве завершения см.: (Андреева, 2021, с. 206)), звучит «жалобно и знойно», и странный выбор песни для прощания на поверку оказывается вовсе не странным: ответом на тягостные раздумья, страх перед бессмысленностью существования является вечная, пусть и безнадежная погоня за весельем и любовью, стремление к движению — куда угодно, лишь бы прочь от «тоски-разлучницы».

Заключение

Итак, доподлинно неизвестно, был ли Тургенев знаком с французскими корнями романа, прямых указаний на то нет. Он мог читать статью Сент-Бева о Дезожье, был впоследствии лично знаком с критиком, сотрудничал с журналом «Revue de deux mondes» — возможностей узнать о стихотворении Дезожье и том значении, которое имела легкая, веселая песня во Франции начала XIX века, было достаточно много. Актуализация исторического контекста представляет замысел рассказа «Конец Чертопханова» философски многогранным. Песня «Век юный, прелестный...» действительно утверждает любовь, страсть как главную ценность; идея свободы, исторически связанная с произведением, реализуется в сюжете рассказа, в развязке любовной линии. Однако Тургенев также изображает постепенную утрату радостей жизни, час конца Чертопханова, когда все принесено в жертву любви — и все утрачено. Таким образом, романс «Век юный, прелестный...» является своеобразным центром рассказа: в нем транслируется жизненная философия представляющих собой уходящие национальные типы героев, а сюжетные перипетии показывают, к чему привела их эта философия.

Список источников

1. Петров, С. М. (1961). *И. С. Тургенев: Творческий путь*. Гослитиздат.
2. Сахаров, В. И. (2002). Народ: от поэзии к правде. Еще о «Записках охотника» И. С. Тургенева. *Библиотека. Русский писатель И. С. Тургенев*. http://www.turgenev.org.ru/e-book/esho_o_zapiskah_ohotnika.htm
3. Прозоров, Ю. М. (2017). В поисках русской идентичности. Национальный характер в «Записках охотника» И. С. Тургенева. *Спасский вестник*, (25), 5–28.
4. Волкова, А. А. (2016). Реалистическое воплощение цыганской темы в русской литературе XIX века. *Художественное образование и наука*, (4), 19–27.
5. Круглова, Е. Е. (2023). Лошадь Малек-Адель как проблемно-семантический фокус рассказов И. С. Тургенева из «Записок охотника». *Жизнь животных в зеркальных отражениях: литература – культура – язык* (с. 287–294). Коллективная монография. А. И. Смирнова (Ред.). Книгодел, МГПУ.
6. Кирпичников, А. И. (1903). *Очерки по истории новой русской литературы*. Книжное дело.
7. Степина, С. А. (2022). Н. М. Коншин — сотрудник «Ученой республики». *Русская литература*, (2), 135–142. <https://www.doi.org/10.31860/0131-6095-2022-2-135-142>
8. Вацуρο, В. Э. (1972). Н. М. Коншин. *Поэты 1820–1830-х годов*, 1, 348–350. Л. Я. Гинзбург. (Ред.). Советский писатель.
9. *Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского. 1800–1844*. (1998). А. М. Песков (Сост.). Новое литературное обозрение.
10. Коншин, Н. М. (1825). Песня. *Невский альманах... издаваемый Е. Аладьиным*. ... на 1826 г., XXII, 187–188.
11. Коншин, Н. М. (1972). Ария. *Поэты 1820–1830-х годов*, 1, 362–363. Л. Я. Гинзбург (Ред.). Советский писатель.

12. Désaugiers, M.-A.-M. (1861). *Chansons choisies de Désaugiers*. Renault et Co, libraires-éditeurs.
13. Вацуро, В. Э. (2000). *Пушкинская пора*. Академический Проект.
14. Тургенев, А. И. (1964). *Хроника русского. Дневники (1825–1826 гг.)*. М. И. Гиллельсон (Изд. подг.). Наука.
15. Capelle, P. (1811). *La clé du Caveau*. Capelle et Renand.
16. Nécrologie. M. Désaugiers. (12 août 1827). *Journal des débats politiques et littéraires*, 3–4.
17. Sainte-Beuve, C. A. de. (1er Juillet 1845). Poètes et romanciers modernes de la France. *LI. Désaugiers. Revue des Deux Mondes*, 11(1), 5–28.
18. Пинковский, В. И. (2018). Поэзия «Нового погребка» (1806–1817): содержание, пафос, место в культурном контексте эпохи. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 9-2(87), 286–289. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-2.16>
19. Пушкин, А. С. (1978). *Полное собрание сочинений*: в 10 т. Б. В. Томашевский (Ред.). Наука. Т. 7.
20. Горошков, М. Н. (1971). Гимназические годы. *Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников* (с. 33–38). В. В. Григоренко, С. А. Макашин, С. И. Машинский, В. Н. Орлов (Ред.). Художественная литература.
21. Левашева, О. Е. (1988). А. Л. Гурилев. *История русской музыки*: в 10 т. Ю. В. Келдыш, О. Е. Левашева, А. И. Кандинский (Ред.). Музыка. Т. 5, 169–184.
22. Гурилёв, А. Л. (1849). *Век юный, прелестный: цыганская песня на два голоса с сопровождением фортепиано*. У М. Бернарда.
23. Григорьев, А. А. (1847). Концерт цыган. *Московский городской листок*, 43, 174.
24. Щербакова, Т. А. (1984). *Цыганское музыкальное исполнительство и творчество в России*. Музыка.
25. Тургенев, И. С. (1979). *Полное собрание сочинений и писем*: в 30 т. М. П. Алексеев (Ред.). Наука. Т. 3.
26. Андреева, В. Г. (2021). Эпический синтез в позднем творчестве И. С. Тургенева. *Научный диалог*, (11), 202–215. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-11-202-215>

References

1. Petrov, S. M. (1961). *I. S. Turgenev: A creative path*. Goslitizdat. (In Russ.).
2. Sakharov, V. I. (2002). The folk: from poetry to truth. More about I. S. Turgenev's «A Sportsman's sketches». *Library. Russian writer I. S. Turgenev*. http://www.turgenev.org.ru/e-book/esho_o_zapiskah_ohotnika.htm (In Russ.).
3. Prozorov, Yu. M. (2017). In search of Russian Identity. The National Character in I. S. Turgenev's «A Sportsman's sketches». *Spassky Bulletin*, (25), 5–28. (In Russ.).
4. Volkova, A. A. (2016). Realistic embodiment of the Gypsy theme in Russian literature of the 19th century. *Art Education and Science*, (4), 19–27. (In Russ.).
5. Kruglova, E. E. (2023). Malek-Adel's horse as a problem-semantic focus of I. S. Turgenev's short stories from «A Sportsman's sketches». *Animal life in mirror images: Literature – culture – language* (p. 287–294). A collective monograph. A. I. Smirnova (Ed.). Knigodel, MCU. (In Russ.).
6. Kirpichnikov, A. I. (1903). *Essays on the history of new Russian literature*. Knizhnoe delo. (In Russ.).

7. Stepina, S. A. (2022). N. M. Konshin is an employee of the «Scientific Republic». *Russian Literature*, (2), 135–142. (In Russ.). <https://www.doi.org/10.31860/0131-6095-2022-2-135-142>
8. Vatsuro, V. E. (1972). N. M. Konshin. *The Poets of the 1820s and 1830s, 1*, 348–350. L. Ya. Ginzburg (Ed.). Sovetsky pisatel. (In Russ.).
9. *Chronicle of the life and work of E. A. Boratynsky. 1800–1844*. A. M. Peskov (Comp.). (1998). *Novoe literaturnoe obozrenie*. (In Russ.).
10. Konshin, N. M. (1825). Song. *Nevsky Almanac... edited by E. Aladin. ... for 1826, XXII*, 187–188. (In Russ.).
11. Konshin, N. M. (1972). Aria. *The Poets of the 1820s and 1830s, 1*, 362–363. L. Ya. Ginzburg (Ed.). Sovetsky pisatel. (In Russ.).
12. Désaugiers, M.-A.-M. (1861). *Chansons choisies de Désaugiers*. Renault et Co, libraires-éditeurs.
13. Vatsuro, V. E. (2000). *Pushkin's time*. Academicheskyy Proekt. (In Russ.).
14. Turgenev, A. I. (1964). *The chronicle of the Russian. Diaries (1825–1826)*. Edition prepared by M. I. Hillelson. Nauka. (In Russ.).
15. Capelle, P. (1811). *La clé du Caveau*. Capelle et Renand.
16. Nécrologie. M. Désaugiers (12 août 1827). *Journal des débats politiques et littéraires*, 3–4.
17. Sainte-Beuve, C. A. de. (1er Juillet 1845). Poètes et romanciers modernes de la France. *LI. Désaugiers. Revue des Deux Mondes*, 11(1), 5–28.
18. Pinkovsky, V. I. (2018). Poetry of the «New Cellar» (1806–1817): content, pathos, place in the cultural context of the epoch. *Philological sciences. Questions of Theory and Practice*, 9-2(87), 286–289. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-2.16>
19. Pushkin, A. S. (1978). *Complete works: in 10 vol.* B. V. Tomashevsky (Ed.). Nauka. Vol. 7. (In Russ.).
20. Goroshkov, M. N. (1971). The gymnasium years. *N. A. Nekrasov in the memoirs of contemporaries* (p. 33–38). V. V. Grigorenko, S. A. Makashin, S. I. Mashinsky, V. N. Orlov (Eds.). Hudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
21. Levasheva, O. E. (1988). A. L. Gurilev. *The History of Russian Music: in 10 vols.* Yu. V. Keldysh, O. E. Levasheva, A. I. Kandinsky (Eds.). Muzyka. Vol. 5, 169–184. (In Russ.).
22. Gurilev, A. L. (1849). *A young, charming age: Gypsy song for two voices with piano accompaniment*. From M. Bernard. (In Russ.).
23. Grigoriev, A. A. (1847). Gypsy concert. *Moskovsky gorodskoj listok*, 43, 174. (In Russ.).
24. Shcherbakova, T. A. (1984). *Gypsy musical performance and creativity in Russia*. Muzyka. (In Russ.).
25. Turgenev, I. S. (1979). *Complete works and letters: in 30 vol.* M. P. Alekseev (Ed.). Nauka. Vol. 3. (In Russ.).
26. Andreeva, V. G. (2021). Epic synthesis in the late work of I. S. Turgenev. *Scientific Dialogue*, (11), 202–215. (In Russ.). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-11-202-215>

Информация об авторах

Ирина Анатольевна Беляева — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник Института мировой литературы имени А. М. Горького РАН.

Екатерина Ильинична Ушакова — аспирант кафедры истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Information about the authors

Irina A. Belyaeva — D. Sc. (Philology), Professor of Russian Literature Department, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Leading researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

Ekaterina I. Ushakova — Postgraduate of Russian Literature Department, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interest.